

Вряд ли было допустимо также насильственное переселение своих арендаторов собственником земли при обычной аренде. А о переселениях *париков* упоминает уже магистр Косьма, замечая при этом, что на подобные факты обращал внимание сам император Василий II Болгаробойца²⁴. О переселениях *париков* говорится и в типике монастыря Богородицы Космосотиры (середина XII в.) — перенос домов и подворий *париков* на новое место иногда затруднял *парикам* доставку урожая «к своим домам»²⁵. Отнюдь не случайно, по-видимому, господа при поселении на своей земле *париков* устанавливали срок их пребывания в поместье в 29 лет: чтобы не допустить приобретения *париком* (через 30 лет) в соответствии с законом права наследственного владения, чтобы сохранить возможность более свободного изменения условий *парикии* и, вероятно, для того, чтобы, перемещая *парические* стасы, превратить в культивируемые больше своих залежных земель.

Чувствующие свою силу и влияние крупные местные землевладельцы использовали порой *париков* как орудие захвата чужих земель: поселил *париков* на чужой земле, а затем объявил эту землю своей Панкратий Анема; расселил на казенной земле своих бесхозных *париков* и монастырь Богородицы Милостивой (затем он сумел получить эту землю в дар от императора); Лавра св. Афанасия поселила своих *париков* на земле общины Адрамери, была привлечена к суду, проиграла процесс, была вынуждена выкупить у общины землю, занятую *париками*, за 72 помисмы. Но любопытно, что сами эти *парики* (послушное орудие монастыря) не участвовали в процессе, не привлекались даже как свидетели, т. е. рассматривались как подневольные люди, выполняющие волю своего господина (Лавры)²⁶. *Парики* переходили из рук в руки как принадлежность поместья при дарениях, конфискациях, продажах земли: бывали случаи, когда в течение нескольких лет *парики*, оставаясь на одном месте и сохраняя свой статус, сменяли трех-четыре господ²⁷.

Париков (вместе с землей) обменивали: архиепископ Болгарский Феофилакт Ифест выменял целую деревню государственных *париков* (с этого момента они стали *париками* церкви) на принадлежавшие архиепископии пастбища²⁸. Иногда при обмене *парика* с его стасью приравнивали к какому-либо доходному объекту (к мельнице или саду)²⁹.

Заслуживает особого внимания тот факт, что при отсутствии детей и внуков у *парической* четы ее имущество переходило к господину: ни один из других его родственников (даже брат) не мог унаследовать выморочную *парическую* стась. Все это ставит под вопрос признанную как будто официально правоспособность *парика* (в отличие от статуса иных арендаторов) в составлении завещаний, в наследовании и в передаче имущества по наследству. Правда, ясные свидетельства на этот счет содержатся в относительно позднем акте — от 1331 г.³⁰ Но предполагать, что эта норма «*парического* права» существовала и раньше, позволяет акт от 1079 г.,

²⁴ Weiss G. Die Entscheidung. S. 492. Вайс полагает, что фраза, в которой говорится о Василии II, темная (неясно, осуждал ли это император или сам поступал таким образом). В отличие от Вайса мы считаем однозначно: осуждал.

²⁵ Литаврин Г. Г. Болгария. . . С. 203.

²⁶ Литаврин Г. Г. Византийское общество. . . С. 94—95.

²⁷ Там же. С. 45.

²⁸ Там же. С. 47.

²⁹ Литаврин Г. Г. Болгария. . . С. 166—172.

³⁰ Archives de l'Athos: Actes de Docheiariou / Ed. N. Oikonomidès. Texte. P., 1934. N 11. P. 117—119.